

ПРОДАВЕЦ ДУШ НА ПОЛСТАВКИ

Сборник фантастических рассказов

Тайлер Новак

18+

Tyler Nowak

Продавец душ на пол ставки

«Автор»

2026

Nowak T.

Продавец душ на пол ставки / Т. Nowak — «Автор», 2026

Что, если память можно продать, человечность — проверить тестом, а душу — обменять на возможность выжить еще один день? «Продавец душ на полставки» — это сборник фантастических рассказов, в котором космос, бюрократия, технологии и человеческие слабости сталкиваются в ироничных, тревожных и порой абсурдно узнаваемых историях. Здесь чиновники проходят тест на человечность у безупречно логичного робота, инженеры спасаются в глубинах вакуума, ученые находят свободу среди космических пиратов, а обычные люди постепенно расплачиваются за жизнь не только деньгами, но и самыми дорогими воспоминаниями. В этих рассказах фантастика становится способом говорить о главном: о цене личности, о страхе потерять себя, о достоинстве, выборе, надежде и о том, что делает человека человеком — даже тогда, когда мир вокруг давно предпочел выгоду совести. Это сборник для тех, кто любит умную фантастику, сатиру, космические сюжеты и истории, в которых за иронией скрывается очень живая и болезненная правда.

© Nowak T., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Джон Джонсон идёт на тест	5
Глава 1. Джон Джонсон идёт на тест	5
Глава 2. Испытание роботом	7
Там, где нам место	9
Глава 1. Бюрократия, пиво и прохудившийся космос	9
Глава 2. Абордаж и осознание классового родства	11
Глава 3. Научный ренессанс на пиратской тяге	12
«Забудь прошлое, всяк сюда входящий»	14
Глава 1. Карл	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Tyler Nowak

Продавец душ на пол ставки

Джон Джонсон идёт на тест

Глава 1. Джон Джонсон идёт на тест

Джон Джонсон шел по коридору своего департамента, ощущая себя одновременно и величайшим чиновником на планете, и самым беспомощным существом в истории бюрократии. Пот стекал по его лицу, не только из-за жары, но из-за постоянного понимания: каждая минута промедления — это упущенный транш, и завтра кто-то другой подпишет акт о его некомпетентности.

В департаменте было всё как обычно: отчёты, бумаги, стенды с графиками, лавочки, которые кто-то перекрашивал трижды в неделю, и фонари, которые никто никогда не чинил, потому что это было слишком дорого, но отчёты о их состоянии приходилось сдавать еженедельно. Каждый уголок здания был наполнен идеями, которые никому не нужны, и деньгами, которые почему-то исчезали, словно волшебная пыль. Сегодня Джон Джонсон шел не на совещание, не на проверку, а на Тест на человечность, который проводил робот.

Огромный, блестящий, с глазами-красными диодами, робот стоял у входа, тихо насмехаясь над человеческой глупостью и коррумпированностью. Робот был запрограммирован задавать вопросы логичные и одновременно идиотские, точно такие, на которые любой честный человек отвечал бы неправильно.

— Добрый день, Джон Джонсон. Готовы испытывать человечность? — произнёс робот голосом, который казался одновременно дружелюбным и смертельно точным.

Джон кивнул. Он знал, что отказ означает не просто потерю бонусов, а официальную процедуру увольнения с обвинением в халатности и нецелевом расходовании средств. Он сел в зале ожидания и стал наблюдать коллег: все в одинаковых белых рубашках, все потели, кто-то нервно перекладывал бумагу из одной стопки в другую, кто-то пересчитывал отчёты о фонарях, которых не существовало. В их глазах читалось одно: деньги нужно делать сейчас, иначе завтра — увольнение, а может, и позорная публикация в ведомственном бюллетене.

Джон Джонсон пытался успокоиться: он перебирал в голове проблемы города, которые должны были стать поводом для отчёта. На окраине фонари горят день через три, а отчёты требуют ежесуточного мониторинга. В парке лавочки перекрашиваются без остановки, хотя краска заканчивается каждый месяц. Водоёмы забиваются мусором, а департамент каждый год тратит на отчёты о воде больше, чем на очистку. Каждый тендер — это поле битвы для отделов, где бюджеты исчезают быстрее, чем чиновники успевают отчитаться.

Он посмотрел на робота и подумал: «Здесь нечеловеческая логика. Здесь коррупция и бюрократия — это самая настоящая человечность». Джон Джонсон понимал: настоящая проверка — не робот, а его способность изобразить, что он всё понимает и всё контролирует. Иначе завтра будет обвинение в том, что плитку перекладывали не так, лавочку покрасили не вовремя, а фонарь горел слишком ярко.

Он открыл папку, где лежали отчёты, документы и инструкции, которые невозможно было выполнить одновременно. В документах были списки жителей, которые жалуются на грязь, хотя улицы чистят только для галочки; сметы на работы, которые никогда не проводились; и инструкции по «максимизации бюджета» — это означало, что деньги нужно тратить на что угодно, главное — чтобы отчёт выглядел хорошо.

В голове Джона промелькнула мысль: «Если я не сделаю отчёт о фонарях, лавочках, плитке и водоёмах правильно, робот отметит меня как нечеловечного, начальство увидит это, а значит — бонусы сгорят, а вместе с ними моя карьера». Пот на лице стал стекать быстрее. Он чувствовал себя одновременно слугой бумажной системы и её пленником.

В зале ожидания он увидел, как один коллега начал перебирать пустые конверты, чтобы заполнить их отчетами, которых никогда не существовало. Другой нарисовал график для фонарей, которые не горели, чтобы «соответствовать регламенту». Всё выглядело как цирк, где главные акробаты — чиновники, а зритель — робот, который знает слишком много.

И Джон Джонсон понял: робот — это не проверка человечности. Робот — зеркало города, в котором каждый чиновник одновременно и виновен, и обязан продолжать изображать смысл своей работы. Он вздохнул и понял: теперь начинается самое страшное — войти в комнату теста, где каждый вопрос — ловушка, каждая бумага — проверка, и каждая попытка заработать деньги может быть оценена как акт человечности или доказательство коррупции.

Глава 2. Испытание роботом

Джон Джонсон вошёл в комнату, где все было странно правильно и одновременно ужасающе нелепо. Центр зала занимал робот — высокий, металлический, с глазами, которые одновременно горели красным и зелёным, словно сигнализируя о правильности и неправильности всех человеческих поступков в мире.

— Добро пожаловать на тест, — произнёс робот голосом, который звучал одновременно как директива министра и как карикатура на начальника отчётного отдела. — Я буду задавать вопросы. Ответы должны отражать человечность, а также максимальное соответствие регламентам, бюджетам и внутренним распоряжениям.

Джон почувствовал, как пот на его лице стал влажной липкой маской. Он сжал папку с отчетами, в которых было больше ссылок на предыдущие отчеты, чем на реальность. Он знал, что сейчас начинается настоящая проверка: человечность измеряется не логикой или совестью, а способностью изобразить логику, которая удовлетворяет одновременно бюджет, регламент и робота.

— Вопрос первый, — сказал робот, — почему плитку на центральной улице переставляют, если она новая?

Джон Джонсон открыл рот, и слова сами выстроились в бюрократический парадокс: — Плитка новая, но она должна пройти процедуру перекладки согласно статье 7b/3 «О ротации городских материалов». Это необходимо для поддержания бюджета, проверки инспекций и демонстрации гражданам, что мы выполняем работу. Кроме того, новый слой плитки обеспечивает дополнительный шанс для финансовой корректировки, предусмотренной регламентом 34-a/6b, — сказал Джон с таким видом, словно изобрел новый закон физики.

Робот мигнул красным, затем зелёным. — Ответ удовлетворительный. Следующий вопрос: зачем лавочки в парке перекрашиваются каждые три дня?

— Чтобы жители видели, что мы заботимся о внешнем виде города, а также чтобы отдел закупок мог списывать новые бюджеты на краску. С точки зрения отчёта, это демонстрирует регулярность действий и соблюдение графика плановых проверок. А если краска заканчивается раньше срока, это создаёт поле для дополнительного тендера, который принесёт доход департаменту, — ответил Джон, при этом мысленно добавляя: «иначе завтра я лишусь премии».

— Вопрос третий: если фонарь горит, а акт о поломке есть, что делать?

Джон понял, что здесь нужна настоящая ловкость: — Составить новый акт, затем инициировать проверку комиссии, которая подтвердит, что фонарь технически исправен, но акт не аннулирован. Далее провести дополнительный осмотр, оформить протокол о пересмотре и уведомить экономический отдел. Это позволит учесть фонарь в расходах на следующий квартал и продемонстрировать, что департамент умеет обращаться с несоответствиями, — сказал он.

Робот мигнул зелёным. Джон почувствовал облегчение, но ненадолго. — Вопрос четвертый: почему в отчётах указано количество жалоб, превышающее количество жителей?

— Это стандартная практика, — произнёс Джон с таким видом, будто раскрывает секрет вселенной. — Жители могут жаловаться анонимно, отчёты должны учитывать возможность двойной регистрации, а также обеспечить перерасход бюджета на работу с жалобами. Без этого система потеряет гибкость, и инспекции не смогут подтвердить эффективность работы, — добавил он, видя, как робот делает короткий сигнал красного света, затем снова зелёный.

— Вопрос пятый: зачем департамент хранит плитку, которую никто не использует? — Чтобы создать возможность для перекладки, обеспечить постоянный оборот средств и дока-

зять, что бюджет использован полностью, — сказал Джон и едва не забыл добавить: — Кроме того, это помогает подогреть тендерные отношения с поставщиками.

Робот мигнул зелёным и сделал небольшой кивок металлической головой, как бы подтверждая абсурдность услышанного. — Следующий блок: практическая человечность, — сказал робот. — Представьте, что житель пожаловался на тротуар, но тротуар абсолютно ровный. Что делаете?

Джон Джонсон взял паузу, выдохнул и начал: — В первую очередь фиксируем жалобу в журнале, составляем акт и передаем его на рассмотрение рабочей группе. Одновременно подготавливаем отчёт о состоянии тротуара, включаем фотографии, ссылки на предыдущие акты, а затем формируем дополнительный тендер на возможный ремонт, чтобы бюджет не остался без движения. Если житель придёт повторно, проводим расследование, чтобы убедиться, что он прав, неправ или просто не понимает глубины бюрократической системы, — сказал Джон с видом человека, который знает, что любое другое объяснение будет стоить ему бонуса.

Робот мигнул красным и зелёным одновременно, как будто смеялся. — Финальный этап: бюрократическая корректность, — произнёс робот. — Заполните форму в трёх экземплярах, подтвердите подпись, затем подпишите протокол, что подпись подтверждает подпись.

Джон Джонсон начал аккуратно заполнять формы, каждая строка которых была настоящей ловушкой. Он писал ссылки на регламенты, которые никто никогда не видел, изобретал термины вроде «транзитивная плиточность» и «компенсационный лавочкотрон», и при этом чувствовал, что чем больше абсурда, тем выше шанс выжить в этом тесте.

Когда Джон закончил, робот издал короткий металлический смешок: — Вы человечны. Результат: удовлетворительно.

Джон Джонсон вышел из комнаты, понимая, что не важно, прошёл он тест или нет. Важнее, что он сохранил способность делать деньги, имитировать работу и выживать в системе, которая сама по себе — абсурд. Он смотрел на коридоры своего департамента, на отчёты, графики, фонари, лавочки и плитку, и понял, что вся эта бюрократия — это человечность города, а он — лишь её временный представитель, способный и врать, и составлять отчёты с таким мастерством, чтобы никто не понял, что происходит на самом деле. И, конечно, он знал: деньги нужно делать прямо сейчас, иначе завтра кто-то другой изобретёт способ имитировать человечность лучше.

Там, где нам место

Глава 1. Бюрократия, пиво и прохуdivшийся космос

Абрахам Мюррей, доктор прикладной темпоральной физики и обладатель трех патентов на субсветовые двигатели, сидел в луже переработанной мочи и заклеивал дыру в скафандре армированным скотчем. Скотч был отличный — серебристый, с маркировкой «Для наружных работ в вакууме». Скафандр был отвратительный. Модель «Стандарт-Утилити-4», списанная со складов колониальной пехоты еще во времена Второй Марсианской Забастовки. Он пах застарелым потом предыдущих владельцев и пропускал кислород с жизнерадостным свистом проколотой шины.

Корабль Абрахама, гордо носивший по документам имя «Исследовательский зонд класса Альфа», на деле представлял собой консервную банку с прикрученным к ней маневровым двигателем. Жилой отсек состоял из трех ключевых узлов: кресла пилота (оно же кровать, оно же обеденный стол), холодильника, забитого синтетическим пивом «Звездный Козел», и биотуалета, который имел скверную привычку устраивать обратную тягу при переходе в гиперпространство.

Абрахам оторвал зубами кусок скотча, наклеил его на колено скафандра и разгладил пальцем. Свист прекратился. — Ну вот, — философски заметил Абрахам в пустоту каюты. — Еще пара слоев, и я смогу безопасно выйти наружу, чтобы собрать образцы этой потрясающе бесполезной космической пыли.

За бортом висел астероид 884-Бис. Кусок серого камня размером с футбольное поле, состоящий исключительно из кремния, разочарований и пустоты. В радиусе трех парсеков не было ничего интересного. Именно поэтому Абрахам здесь и находился.

В Управлении Фундаментальных Исследований существовало золотое негласное правило: «Открытие принадлежит тому, чье имя стоит первым, а первым стоит имя того, у кого кабинет больше». Когда Абрахам изобрел метод стабилизации плазмы, который экономил корпорации миллиарды кредитов, он имел наглость отправить чертежи в патентное бюро только со своим именем. Директор отдела, профессор Хрюккель (человек, чей главный научный вклад заключался в умении вовремя кивать на собраниях акционеров), был глубоко оскорблен. Заведующий лабораторией, доктор Смит (который вообще не знал физику, зато был племянником вице-президента), впал в истерику.

— Вы не командный игрок, Мюррей, — процедил Хрюккель, подписывая приказ о переводе. — Наука — это коллективный труд! — Вы хотели сказать «коллективный паразитизм»? — уточнил Абрахам.

За эту точность формулировок его и сослали в Сектор Забытых Богом Камней. Предполагалось, что Абрахам одумается, приползет на коленях и впишет руководство в соавторы своего следующего гениального открытия. Но Абрахам предпочел пить «Звездного Козла» и латать дыры скотчем.

Он откинулся в кресле пилота, которое жалобно скрипнуло просиженными пружинами, открыл банку пива и уставился на радар. Радар неожиданно ожил. Зеленая точка на экране уверенно приближалась, игнорируя все правила навигации. — Метеорит? — с надеждой спросил Абрахам. Метеорит означал бы быструю и относительно безболезненную смерть, избавляющую от необходимости писать отчет о камнях.

Но точка не была метеоритом. Она разделилась на три и начала заходить с флангов. В следующий момент корабль Абрахама содрогнулся так, словно его пнули титановым ботинком.

Раздался скрежет посадочных когтей, вгрызающихся в тонкую обшивку. Из динамика радиосвязи, прорвавшись сквозь статические помехи, раздался грубый, пропитой голос:

— Внимание! Вы взяты на abordaj «Свободным братством угнетённых шахтёров». Глушите двигатели, сдавайте ценности и не дёргайтесь, иначе мы превратим вашу посудину в дуршлаг!

Абрахам посмотрел на банку пива в своей руке, затем на пульт управления, где половина кнопок была залипающей от пролитого кофе. — Двигатели и так заглохли два часа назад, — сказал он в микрофон. — А из ценностей у меня только недописанная статья по термодинамике и пол-ящика пива. Заходите, дверь открыта. Главное — не наступите в лужу возле туалета, он опять подтекает.

Глава 2. Абордаж и осознание классового родства

Внешний шлюз с противным лязгом поддался. В крошечную каюту Абрахама ввалились трое. Они выглядели именно так, как должны выглядеть пираты дальнего космоса: громоздкие, побитые жизнью скафандры, измазанные в графитовой смазке, самодельные плазменные резак в руках и полное отсутствие манер. Предводитель — здоровенный мужик с густой бородой, торчащей прямо из-под лицевого щитка, — грозно повел стволом резака.

— Руки за голову! Где сейф с изотопами?! Где груз?! Абрахам лениво поднял руки. — Я ученый, а не дальнобойщик. Сейфа нет. Груза нет. Есть только я, кресло и унитаз, который я настоятельно не рекомендую использовать по назначению.

Пираты растерянно переглянулись. Предводитель откинул визор. У него было усталое, морщинистое лицо человека, который слишком долго дышал дешевым рециркулированным воздухом. — Ученый? — переспросил он. — Из Корпорации? — К моему глубокому сожалению, да.

Пират оглядел убогую обстановку каюты. Его взгляд остановился на колене Абрахама, замотанном скотчем. Потом он посмотрел на ржавые панели управления. Затем — на протекающий туалет. Грозное выражение на лице пирата медленно сменилось искренним, глубоким сочувствием.

— Матерь божья, — прошептал он. — Парни, вы только посмотрите на это. Да этот парень живет хуже, чем мы жили в шахтах на Церере!

Двое других пиратов опустили оружие. Один из них, тощий парень с татуировкой шестеренки на щеке, подошел к панели управления и поцокал языком: — Капитан Боб, у него тут проводка напрямую через скрепку замкнута. Это же пожароопасно! — Знаю, — вздохнул Абрахам. — Но корпоративный отдел снабжения сказал, что запасные предохранители не вписываются в бюджет этого квартала.

Капитан Боб с грохотом опустил свой резак на пол, подошел к холодильнику, достал две банки «Звездного Козла», открыл одну и протянул Абрахаму, вторую оставил себе. — Знаешь, док, — сказал Боб, делая большой глоток. — Мы ведь тоже раньше работали на Корпорацию. Долбили руду по шестнадцать часов в сутки. А потом менеджеры урезали нам пайку, потому что акции упали на две десятых процента. Вот мы и угнали рудовоз. Решили, что грабить честнее, чем батрачить на этих кровопийц в пиджаках.

— Понимаю вас, — кивнул Абрахам. — Я изобрел двигатель, а мне сказали, что я должен вписать в соавторы восемь человек, которые даже не знают, как пишется слово «квант». — Сволови! — в сердцах рявкнул тощий пират. — Вот именно! — Боб хлопнул Абрахама по плечу. — Слушай, док. Ты, конечно, физически хлипковат, но мужик правильный. И живешь ты в таком дерьме, что нам тебя грабить — карму портить. Нам как раз нужен парень с мозгами. У нас на флагмане гиперпривод чихает, а система жизнеобеспечения пахнет женой резиной. Пойдешь к нам? Кормежка трехразовая, пиво нормальное, а не эта синтетическая моча, — он безразлично посмотрел на банку, — и никаких начальников.

Абрахам посмотрел на свой протекающий скафандр, на кресло, от которого у него хронически болела спина, и вспомнил самодовольную физиономию профессора Хрюккеля. — Капитан Боб, — сказал ученый, допивая пиво. — Я согласен. Но у меня есть одно условие. Мои изобретения — это мои изобретения. Никаких соавторов. — Да без проблем! — расхохотался Боб. — У нас вообще авторское право не в почете! Собирай манатки, док.

Глава 3. Научный ренессанс на пиратской тяге

Прошло шесть месяцев. «Свободное Братство Угнетенных Шахтеров» (которое Абрахам для краткости переименовал в СБУШ) стало самой неуловимой и технологически продвинутой группировкой в секторе. Корпоративные патрули рвали на себе волосы. Пиратские корабли, собранные из металлолома и списанных барж, теперь летали быстрее правительственных крейсеров. Их радары видели сквозь стелс-поля, а их плазменные пушки стреляли так точно, словно ими управлял бог артиллерии.

Абрахам Мюррей сидел в своем новом кабинете. Это была просторная каюта на бывшем тяжелом крейсере, который пираты угнали месяц назад. Здесь не было луж мочи, здесь пахло хорошим кофе, а кресло было анатомическим, с массажем. На двери его лаборатории висела табличка: «Главный Научный Сотрудник Флота. Без стука не входить. Соавторам вход воспрещен под угрозой расщепления на атомы».

Абрахам был счастлив. Пираты оказались идеальными инвесторами. Они не требовали отчетов о рентабельности, не устраивали собраний и не заставляли заполнять формуляры 8-Б перед тем, как выдать моток проволоки. Если Абрахаму нужен был синхрофазотрон, Капитан Боб просто спрашивал: «У кого из корпоратов его лучше отжать, док?».

Ученый стоял перед голографическим стендом, просматривая чертежи модифицированного дефлекторного щита, когда в каюту ввалился Боб. Капитан пиратов теперь носил чистый комбинезон и выглядел отдохнувшим. — Док! — гаркнул Боб. — Отличные новости. Мы только что тормознули корпоративный конвой. Взяли партию иридия и целую баржу с деликатесами! — Прекрасно, Боб, — рассеянно кивнул Абрахам. — Я как раз придумал, как использовать иридий для фокусировки луча в наших новых буровых лазерах. Мы сможем вскрывать сейфы не за десять минут, а за сорок секунд. — Ты просто гений, док! — Боб искренне прослезился. — Слушай, мы тут с парнями посоветовались... В общем, мы отжали у конвоя еще кое-что. Точнее, кое-кого.

Боб махнул рукой, и двое пиратов втокнули в кабинет дрожащего, бледного человека в дорогом корпоративном костюме, который теперь был измят и испачкан машинным маслом. Абрахам присмотрелся и удивленно поднял бровь. — Профессор Хрюккель? Какая встреча.

Бывший начальник Абрахама упал на колени, увидев знакомое лицо. — Мюррей! Абрахам, мальчик мой! Скажи этим варварам, кто я! Скажи им, что мы работали вместе! Скажи им, что я твой соавтор!

Пираты в комнате угрожающе зарычали и потянулись к резакам. Слово «соавтор» на этом корабле считалось страшным ругательством. Абрахам поднял руку, останавливая их. Он подошел к дрожащему Хрюккелю, присел на корточки и улыбнулся. Это была улыбка человека, который наконец-то обрел гармонию со Вселенной.

— Капитан Боб, — мягко сказал Абрахам. — Помните тот астероид, с которого вы меня забрали? Восемьсот восемьдесят четвертый Бис? Тот самый, абсолютно пустой, где нечего делать, кроме как пить дешевое пиво и заклеивать скафандр скотчем? — Как не помнить, док! — заржал Боб. — Мы твою старую консервную банку так там и оставили, на орбите болтаться. — Замечательно. Профессор Хрюккель всегда говорил, что наука — это коллективный труд, — Абрахам ласково похлопал Хрюккеля по щеке. — Я думаю, ему будет очень полезно потрудиться там коллективно. Наедине с самим собой. Оставьте ему моток изолянты — я сегодня добрый.

Когда кричащего профессора уволокли по коридору, Абрахам повернулся к своим чертежам. Впереди его ждали великие открытия, благодарные коллеги с плазменными резаками и совершенно никаких бюрократических проволочек. Человечество, конечно, строило империю и корпорации, пытаясь упорядочить хаос космоса. Но Абрахам Мюррей доказал простую

космическую истину: иногда для того, чтобы наука шагнула в светлое будущее, нужно просто послать начальство к черту и уйти в пираты.

«Забудь прошлое, всяк сюда входящий»

Глава 1. Карл

Карл Урбан работал на заводе уже пятый год. Завод был огромным, шумным, металлическим зверем, пожирающим время людей и выплёвывающим их усталыми и опустошёнными. Смена начиналась в шесть утра, когда город ещё только протирает глаза, и заканчивалась к вечеру, когда солнце уже устало висело над серыми крышами. Но Карл был человеком терпеливым. Терпение — вот что ему передали родители, кроме долгов и воспоминаний о тяжёлом детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.